

ВОЙНА И СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

О. В. Ким

THE WAR AND SOCIAL TRANSFORMATIONS IN EARLY MODERN EUROPE

O. V. Kim

В статье предложена сравнительно-историческая модель влияния военных факторов на развитие европейских обществ в раннее Новое время. Важным аспектом исторического преобразования государства и общества был процесс «военной революции». Он прямо повлиял на формирование «военно-бюрократического абсолютизма». Автор исследует возможности применения теории военной революции в контексте теории модернизации и в мир-системной парадигме. Конкретный ход военных преобразований и социальных трансформаций на Востоке и на Западе определялись специфической системой внутренних и внешних факторов – таких как скорость внедрения инноваций, эффективность финансирования и капитала, уровень развития военных технологий.

The paper presents the comparative historical model of military factors influencing the development of European societies in the Early Modern period. The process of "military revolution" has been recognized as an important aspect of the historical transformation of the state and society. It determined the development of the fiscal military state. The author investigates the possibility of applying the theory of military revolution in the context of modernization theory and the world-system paradigm. Specific types of "war modernity" in the East and the West were defined by system of internal and external factors – such as the speed of innovations introduction, the efficiency of financing and capital, the level of military technologies development.

Ключевые слова: Европа раннего нового времени, теория военной революции, теория модернизации, мир-системный анализ.

Keywords: Early Modern Europe, theory of military revolution, Modernization theory, world-system analysis.

Лидирующее положение европейской цивилизации в Новое время и ее влияние на все регионы и сообщества мира неоспоримо. В то же время кризисы и потрясения XX столетия, а также многие тенденции глобального мира говорят о том, что европейский цивилизационный дискурс в XXI веке будет встречать – и уже встречает – множество альтернатив. Идея о том, что ведущее положение Европы существовало не всегда и продлится не вечно, серьезно занимает исследователей глобальной истории. Одна из проблем, связанных с этим, это проблема объяснения причин и факторов, которые обусловили мировую гегемонию Европы в 1500 – 2000-х годах. Востребованы подходы, позволяющие уйти от детерминизма и линейных объяснений к инвариантным интерпретациям глобальной динамики, к обоснованиям внутрисистемных иерархий и взаимодействий. В современной науке происходит переход от парадигм «постоянно действующих движущих сил» к поиску и анализу мир-системных, цивилизационных факторов, действовавших «здесь и сейчас». На коротких исторических дистанциях, в контекстах конкретного времени и места влияние отдельных, зачастую субъективных причин могло быть весьма значительным, существенно влиять как на рисунок, так и на интерьер происходящих общественных изменений.

Со второй половины XX века расширяется исследовательское внимание к военным факторам европейской модернизации нового времени. Войны эпох ренессанса, барокко и классицизма повлияли на развитие абсолютистского государства, на модернизацию экономики и социальной структуры, а в глобальном плане – на объяснения того, как технологическое и военное превосходство Востока сменилось гегемонией

Запада между 1600 и 1800 годами. На Западе существует обширная историография – со времен исследований Фредерика Лэйна [1, с. 32 – 43] и Джона Ульрика Нефа [2] и до современных исследований Дэвида Поттера и Яна Глете, – в которой геополитические успехи европейских стран в 1450 – 1660-х гг. рассматриваются как следствие действия триады факторов. Это «альянс интересов государства и средних слоев населения – эффективная организация и мобилизация капитала – инновационные военные технологии» [3; 4].

В отечественной науке XX века в теоретическом русле марксизма сложилось, что военные аспекты развития рассматривались исключительно как производная от ведущих, социально-экономических факторов. Соответственно любое экстраординарное военное событие значительного масштаба (например, монгольские завоевания или победы наполеоновских армий) рассматривалось как равнодействующая развития «производительных сил» на фоне сопутствующих субъективных обстоятельств. В этой логике следовало, что высвобождение классовых сил в результате разложения родоплеменного строя у монголов в XII веке удачно совпало с кризисом и децентрализацией феодального Китая, а победы Наполеона объясняются как передовым характером преобразований Французской революции, так и стагнацией противостоявших ему абсолютистских держав. Сегодня сугубо классовые и социально-экономические интерпретации военных процессов и прорывов уже не представляются достаточными. Накопленный концептуальный багаж позволяет рассматривать военные факторы и события истории в тесной связи с парадигмами культурного и технологического диффу-

зионизма [5, с. 154], с трендами развития мир-систем и моделями демографических циклов [6, с. 130 – 145], с теорией военной революции [7, с. 13 – 21].

Традиция выделения военного фактора как детерминанты социального и экономического развития многовековая. Так, Платон в трактате «Пир» рассматривал войну как важный инструмент интеграции общества и средство воспитания гражданских чувств среди эллинов [8, с. 56 – 62]. Накопление мощи, рациональное использование военных факторов, дипломатия войны и консолидация общества вокруг фигуры правителя представлялись Николо Макиавелли важнейшими средствами выживания итальянских государств среди агрессивных держав [9, с. 12 – 19]. Война – не как самоцель, но как стержневой политической процесс в абсолютистском государстве, как интегрирующая мотивация нашла свое отражение в сочинениях Филлипа де Комнина, кардинала Ришелье, Гуго Гроция. В XIX веке военная история и военные факторы развития общества легли в основу фундаментальных трудов К. Клаузевица, Г. Дельбрюка, А. Т. Мэхена [10; 12]. В гуманитарной науке XX века историография «военного фактора» опирается на два мощных идейно-концептуальных течения. Первое представлено т. н. «социологией конфликта» (термин Р. Коллинза), в рамках которой веберианские и марксистские подходы сближаются в том, что в качестве основного двигателя истории они полагают экономические, социальные и культурные противоречия больших и малых групп. Отсюда внимание обеих школ к проблемам происхождения социального и политического конфликта, социальной стратификации, к макроисторическим моделям происхождения капитализма и революций. В этом контексте война выступала в качестве назревшей формы классового, социального и культурного конфликта, который, с социологической точки зрения, обеспечивал воспроизводство архаичных милитаризированных политических систем, сбрасывала избыточное демографическое напряжение и осуществляла реализацию этоса военных элит. Под марксистским углом зрения война носила классовый характер борьбы за распределение власти и ресурсов и являлась одной из форм стадийного развития систем [13, с. 16 – 18].

Второе идейное направление сложилось во второй половине XX века в англоязычной историографии и связано с парадигмами культурного диффузионизма и военной революции. Развитие этого научного направления, и вклад в его становление американского историка У. Мак-Нила, на наш взгляд, хорошо представлено в исследованиях В. В. Пенского и С. А. Нефедова [14; 15]. Отметим главное. По мнению разработчиков этого теоретического направления – М. Робертса, Б. Даунинга, Д. Блека, Г. Паркера и др., фактор чередования военных (технологических, тактических, социальных) преимуществ тех или иных этносов и государств был постоянно действующей причиной глобальной культурной диффузии, миграционных волн и центр-периферийных перемещений [16; 17; 18]. Под военной революцией в широком смысле слова подразумевают многофакторный процесс внедрения инноваций в военно-политической сфере, который привел к развитию современного

государства, сложно организованного общества и созданию системы расширенного воспроизводства. В условиях длительной внешнеполитической напряженности, характерной для всех районов Евразии между 1500 и 1650 годами, на первом месте стояла задача обеспечения военной безопасности как необходимого условия существования и развития. Комплекс военных мероприятий, как правило, стоил много дороже, чем могла себе позволить традиционно ориентированная экономика. Всевозрастающая потребность государства в деньгах стимулировала этатистскую налоговую реформу, направленную на преодоление экономической дефрагментации средневековья. Эти усилия требовали серьезных мер, направленных на централизацию, бюрократизацию и новый диалог с корпоративными элитами – всего того, что П. Шоню называл «регулярным нововременным государством», а Б. Даунинг – «военно-бюрократическим абсолютизмом» [19; 3].

Можно выделить четыре тезиса, обосновывающих приоритетное значение военного фактора в процессе социальной трансформации европейских обществ модерна. Под каждым из них есть существенное историографическое обоснование.

1. Война, создание профессиональных регулярных армий и организация фискальных мероприятий способствовали развитию абсолютизма. Майкл Робертс описывал последовательность военных реформ в Швеции. Король Густав Адольф создал легкую полковую артиллерию, что потребовало реорганизации пешего войска. За этим последовала налоговая и рекрутская реформа, что привело к созданию первой в Европе регулярной армии. Фискальные интересы государства потребовали в 1626 – 1630-х гг. кадастровой земельной и финансовой реформы, протекционистских законов [16, с. 238 – 241]. Централизованное государство, монополизировало сферу насилия, и систематически перераспределяло ресурсы общества для поддержания темпов и рубежей экспансии; военные мероприятия стали важнейшей формой воспроизводства фискально-бюрократического государства. В новой социальной ситуации традиционные сословия, связанные с военной деятельностью, теряли значительную часть суверенитета, подчинялись государству, вся военно-государственная сфера значительно бюрократизировалась (М. Робертс, Дж. Паркер, Б. Даунинг, М. Поу, П. Браун, Дж. Котилейн и др.). Например, Майкл Поу говорит о том, что военное столкновение Московии с вооруженными силами Польши и Швеции стали основной причиной развития регулярного письменного делопроизводства, развития поместной системы и перехода от поземельного к подушному налогообложению. Происходившая в течение двух столетий военная реформа стала, по мысли автора, главным катализатором появления не только армии «нового строя» и современной бюрократической системы, но и причиной рационализации общественных отношений и культуры, стала средством контроля над пространством и людьми [20, с. 271].

2. Военный фактор способствовал развитию капитализма. В течение средних веков торговая и промышленная буржуазия в Европе стремилась найти альтернативу военной монополии дворян. Она оказа-

лась заинтересована в создании и реорганизации военного дела на принципах рынка и профессионального разделения труда. Перед лицом довлеющего централизованного государства буржуазия оказалась вынужденной пойти на компромиссы, отчасти подчинившись ему, отчасти связав с его политикой свои политические и финансовые интересы (Ч. Тилли, У. Мак-Нил). На этой взаимосвязи следует остановиться подробнее. Основатель школы культурного диффузионизма Уильям Мак-Нил «В погоне за мощью» раскрыл механизм чередования мировых военно-технологических эпох гегемонии. Он считал, что эпоха китайского военного превосходства 1000 – 1500 гг. сменилась периодом прорыва Европы в сфере военного предпринимательства в 1500 – 1600 гг. и военным паритетом Европы и Азии; в 1600 – 1750-х гг. превосходство Европы стало глобальным [21]. Важнейшей причиной этого Мак-Нил считал существование самоподдерживающегося механизма развития военной сферы. Очагом возникновения военного предпринимательства и системы частно-государственного финансирования военной сферы он считал ренессансную Италию. Этому способствовало наличие там развитой системы коммуникаций и транспорта, изобилие городских экономик, в социальном смысле опиравшихся на сильное буржуазное сословие, открытость к новшествам с Востока [21, с. 87 – 88]. Внедрение военных инноваций (военное предпринимательство кондотьеров, совершенствование вооружений и подготовки и т. п.) обеспечивало городским элитам суверенитет. На стадии «пороховой революции» 1450 – 1550-х гг. первенство переходит от итальянских городов к централизованным абсолютистским державам, достаточно организованным и состоятельным для того, чтобы иметь большие артиллерийские парки, фортификацию и вести осадные войны. Мак-Нил указал на то, что практически полная монополия восточных государств (Османская империя, Иран, Россия, Китай) на насилие и оружие, маргинальность частного предпринимательства в них блокировало качественное развитие и усовершенствование систем вооружений, что привело к военно-техническому отставанию Востока к 1600 годам [21, с. 120].

На американскую историческую социологию войны огромное влияние оказали работы Ч. Тилли. Его основной тезис состоял в том, что современные государства Европы сформировались в разных комбинациях военно-административного принуждения (прежде всего, изъятия налогов) и капиталистического финансирования (в основном в виде постоянно возрастающего государственного долга частным капиталистическим олигархиям). Ведение войны и подготовка к ней вынуждают правителей заниматься изъятием средств у тех, кто владел основными ресурсами. Структура организации основных общественных классов определяла формы диалога власти и общества, формы сопротивления, характер организаций, методы эффективного изъятия и борьбы, саму эффективность изъятия [22, с. 54]. Варианты отношений власти и общества (частного капитала) располагались в спектре от регионов с интенсивным принуждением (ареалы с небольшим количеством городов и преобладанием сельского хозяйства, где прямое принужде-

ние играло значительную роль в процессе самого производства) до регионов с интенсивным капиталом (ареалы со множеством городов и ведущей ролью коммерции, где основную роль играли рынки, обмен и ориентированное на рынок производство). Противодействие городских обществ военно-фискальному давлению государства привело к появлению превентивных компромиссов и социальных контрактов, определивших формы современных политических государств. От этого положения Тилли логично перейти к взаимосвязанному третьему тезису.

3. Военный фактор способствовал развитию горизонтальных структур и сложного общества. Военная монополия государства способствовала развитию и распространению централизованных средств принуждения и контроля. Соответственно варьировались и требования классов к государству [22, с. 39 – 40]. Так, историк-марксист Перри Андерсон проводит прямую корреляцию между совершенствованием «усиленной машины принуждения» во времена Людовика XIV и успехами государства в разоружении провинциальной аристократии, подавлением гугенотской и крестьянской оппозиции, нивелированием роли Генеральных Штатов [23, с. 95]. Указанная Тилли необходимость поддержания общественного консенсуса, необходимой степени лояльности и гарантий финансирования военной политики побуждало государства Нового времени идти на диалог с обществом, предоставлять ему права на политическое участие. Развитие военной сферы и военного производства оказалось сложно взаимосвязано с развитием науки и техники, модернизацией социального поведения. Поэтому в Новое время успешная военная реформа всегда шла рука об руку с реформой образования. В социальном смысле большие регулярные мобилизационные армии прединдустриальной и раннеиндустриальной эпох стали возможны в классовых условиях отчуждения массы населения от средств производства (Ч. Тилли, П. Андерсон, Р. Лахман). Так, по гипотезе Р. Лахмана, абсолютизм рождается в ходе конфликта среди группировок землевладельческих элит; побеждает та, которая быстрее адаптируется к военным нуждам, изменяет образ жизни, быстрее мобилизует и инвестирует средства. На стадии «вертикального абсолютизма» XVI – XVII вв. возникает специфическая группировка землевладельческой элиты. Она контролирует распределение социальных благ и демонтирует прежнюю систему землевладения. При этом она перестраивает в свою пользу все коммерческие, производственные и торговые процессы, перефокусирует транспортную систему, определяет конфигурацию успешных и стагнирующих районов [24, с. 367].

4. Военный фактор способствовал складыванию мир-системного превосходства Европы над Азией. Классическая мир-системная теория Эммануила Валлерстайна в редакции 1970-х гг. описывает, как капиталистическая Мир-Экономика Северной Атлантики (Англия, Нидерланды) одерживает стратегическую победу над Мир-Империей Габсбургов, которая к XVI веку стагнировала в рамках командно-данической системы. При этом подчеркивалось, что компоненты мощи Мир-Экономики складывались не только из резервов «внутреннего капитализма», но и

из монополий, эксплуатации и экспроприации ресурсов колониальной периферии. Еще Уильям Мак-Нил в 1960-е годы ввел в широкий научный оборот положение о трех факторах «превосходства», которые привели к мировой гегемонии Европы:

а) всепогодный океанический парусный корабль со средствами навигации;

б) железные артиллерийские орудия с чугунными ядрами;

в) отсутствие иммунитета к европейским эпидемическим заболеваниям у аборигенов Старого и Нового света.

Весомые возражения Андре Гундер Франка о том, что Восток в 1500 – 1750-е годы не уступал Европе в экономических ресурсах и военной мощи, не отменяют существенный постулат мир-системного анализа: в начале индустриальной фазы совокупный потенциал экспансии европейцев оказался выше/эффективнее, чем оперативные ресурсы азиатских империй. Наиболее очевидно это выражалось в военном, военноморском превосходстве. Выводы Франка неоспоримы в другом аспекте – ни одна гегемония не может длиться вечно, и в рамках мировых систем постоянно происходит перемещение центров.

Примером таких исследований является известная работа Пола Кеннеди «Взлет и падение великих держав: экономические изменения и военный конфликт с 1500 по 2000 гг.» [25]. По его мнению, в раннее Новое время в Европе, минском Китае, мусульманском мире цели правящих элит были принципиально идентичны. Они сгруппировались вокруг накопления мощи и удержания рубежей экспансии. «Триумф одной великой державы или крах другой обычно являлся следствием долгого военного противостояния; но это также было результатом большей или меньшей эффективности использования производительных ресурсов государства в военное время, а в конечном итоге, экономического роста или упадка на фоне других ведущих стран, в десятилетия предшествующих фактическому конфликту» [25]. В долгосрочной перспективе постоянная утечка ресурсов на дорогостоящие сухопутные и морские компании приводила господствующие империи на грань финансового кризиса. Перенапряжение сил центра давало исторический шанс актерам на периферии создавать более эффективную экономику и социальную сферу, и в конечном итоге, выиграть экономическое и политическое лидерство. По мнению Кеннеди, так произошло между империей Габсбургов и «периферийными» конкурентами – Англией, Нидерландами, Францией в 1519 – 1659 гг. В начале гегемонии Габсбурги эффективно использовали конъюнктуру революции цен и трудовых ресурсов, прорывный потенциал географических открытий – все это позволяло им генерировать военные новшества и набирать ударную мощь. По мнению автора, социальная и техническая дистанция между Испанской империей и ее оппонентами невелика; но в Голландии и Англии был лучше организован баланс «между материальной основой и военной властью». Кеннеди утверждает, что именно финансовая, кредитная мощь Великобритании стала решающим фактором победы над Францией в XVIII веке. Даже с учетом патронажа союзников англичане в период между Славной рево-

люцией и Ватерлоо удерживали уровень военного кредита на границе 33,3 % от совокупного государственного дохода (примерно 670 млн ф. ст. от 2 млрд 293 млн ф. ст.). Противоположная картина политического и социального коллапса рассматривается им на примере Цинской империи. Если в 1750 году китайская экономика составляла свыше 32 % от мировой, то в годы тайпинских войн ее доля понижается до 19,7 %, а к 1880-м гг. – до 12 % (тогда как британская вырастает с 1,9 % в 1750 г. к 19,9 % в 1860 г. и 22,9 % в 1880 г.) [25, с. 81, 149 – 156]. Новые исследования предлагают коррекцию классической схемы мир-системной эволюции Валлерстайна и Броделя. Возможно, мир-системное превосходство Европы берет свое начало не в экономической эффективности капитализма, а в совокупном действии разнообразных социальных институтов в Европе, которые позволили быстро реализовать инновационный комплекс военных возможностей. Обязательным условием является лидерство в сфере транспорта и коммуникаций. Не случайно наиболее успешными военные реформы оказались в небольших, технически развитых государствах с компактно проживающим населением и не громоздким аппаратом, которые имели выход к морю и возможности колониальной эксплуатации периферий (Швеция, Нидерланды, Англия) [26, с. 26]. Успех больших аграрных континентальных империй во многом зависел от их потенциала экстенсивного развития и степени развития принудительных стратегий. На рубеже 1500 – 1600 гг. общее в тенденциях развития Европы и Азии выразилось в империалистическом росте, абсолютистских тенденциях, пороховой революции, развитии светской культуры, урбанизме, появлении высокоорганизованного общества контроля. Закрытие «коридора возможностей» на Востоке происходило в XVIII – XIX вв., когда сказалось деструктивное воздействие неблагоприятных экономических, демографических и мир-системных циклов. Кризис региональных модернизаций и резкое возрастание внутренних тормозящих развитие причин привели к перестройке социальных процессов от относительно эндогенного социального синтеза к логике зависимого, догоняющего развития. В эту фазу страны Востока входят не синхронно – Османская империя, Индия, Иран раньше, позже Япония, Китай. Временной коридор можно маркировать 1757 – 1840 годами (от победы англичан в сражении при Плесси в Индии до первой Опиумной войны в Китае). Вхождение в Новое время для стран Востока совпало и было связано с периодом складывания глобальной евроцентристской капиталистической мир-системы.

При желании количество тезисов, указывающих на взаимосвязь военной революции и генезиса нововременного государства и капитализма можно было бы расширить. Однако более важной задачей представляется органичная увязка концепта военной революции с макроисторическими теориями, описывающими структурную динамику обществ Нового времени в целом. Нам представляется, что в современной науке наиболее пластичной парадигмой является теория модернизации. Она обладает интегративным потенциалом и располагает к конструированию многофакторной картины перехода от традиционного об-

щества к более сложным формам. Эта теория пытается осмыслить нелинейный и инвариантный характер этих процессов. Исследования И. В. Побережникова показали, что третье и четвертое поколение теории модернизации не являются замкнутыми на проблематике генезиса капитализма и индустриального общества в европоцентристском ключе [27, с. 242 – 252]. В целом спектре концепций 1970 – 2000-х гг. модернизация – особенно на ранних этапах и за пределами Европы – могла быть направлена не на реализацию частно-капиталистического потенциала, а на создание сильного централизованного государства, т. н. фигуративного общества с высокой степенью социального контроля, как его описывал Н. Элиас. Фигурационная динамика становится фактором формирования высокоорганизованного общества, основанного на постоянном взаимодействии и самоконтроле людей. В этом смысле военная революция вполне может рассматриваться как стимулятор фигуративной динамики в масштабах всего общества и государства. Это особенно актуально, когда речь идет о не западном мире в раннее Новое время – Османской империи, Сефевидском Иране, России, государстве Моголов, империях Мин и Цин, Японии времен Асикага и Токугава. Такая интерпретация модерности позволяет перенести акцент с сущностной динамики капитализма на иные объекты внимания: социальные связи нового типа, формирование дисциплинарного общества, разделение труда, культурные тенденции, на трансформацию традиций и синтез традиций и инноваций. Если мы добавим к этим критериям факторы внешних влияний, военной революции, национальной консолидации, этатизма, меркантилизма, то получим в первом приближении общие контуры искомой функциональной модели.

Перри Андерсон считает, что подобная картина в целом соответствовала и Европе: «В начале Нового времени для Запада характерен аристократический абсолютизм, возведенный на социальной основе незакрепощенного крестьянства и подчиненных городов, по обе стороны Эльбы полномасштабное абсолютистское государство использовало власть для укрепления положения крупных феодалов-землевладельцев» [23, с. 18 – 19]. Роль военного фактора в таких обществах

могла быть акцентирована высока. Особенно в контексте той главенствующей социальной роли, которую играли сословные военные элиты, обладавшие монополией на насилие и отправлявшие функции распределения и контроля в аграрных обществах позднего средневековья и РНВ [28, с. 82 – 83].

В то же время военный фактор не может рассматриваться как единственный, самодовлеющий, как постоянно и равномерно действующий исторический локомотив. Парцеллярная, частичная военная модернизация не редко исторически являлась причиной «устойчиво фрагментарного развития» [29, с. 762]. Система военно-бюрократического абсолютизма может сломаться, столкнувшись с военным поражением, с непреодолимым сопротивлением традиционалистских структур. В рамках теории мир-системного анализа разработано положение о том, что военное и как следствие экономическое и геополитическое доминирование «центра» исторически кратковременно и редко превышает срок в несколько десятилетий. Удержание рубежей экспансии, как правило, много проблематичнее и дороже, чем их завоевание – на фоне усиливающихся и перенимающих военные технологии периферий. Эта динамика подтверждается структурно-демографической теорией. По данным Голдстоуна, Нефедова, любая сложная демографическая система в доиндустриальную эпоху прямо коррелирует с динамикой экономических циклов [15, с. 606 – 607]. Период экономического и демографического роста неизбежно приводит к эффекту сжатия и перенапряжения системы в условиях ослабления государства, нехватки ресурсов и растущего сепаратизма элит. Таким образом, военные преимущества, реализованные однажды, не являются гарантией от последующих социальных катастроф. Их долговременный эффект проявляется в том случае, если в период борьбы за геополитическую монополию была сформирована новая, эффективная социальная структура общества. В конечном итоге все решает способность верховной власти не только систематически осуществлять принуждение, но и стабильно поддерживать воспроизводство экономических благ, находить формы диалога с развивающимся и усложняющимся обществом.

Литература

1. Lane, F. C. *National Wealth and Protection Costs / War as a Social Institution: The Historian's Perspective* / Frederic C. Lane. – New York: Columbia University Press, 1941.
2. John, U. N. *War and Human Progress: An Essay on the Rise of Industrial Civilization. Part I (1494 – 1640)* / U. Nef. John. – Cambridge: Mass, 1950.
3. Potter, D. *Renaissance France at War: Armies, Culture, and Society, 1480 – 1560. Warfare in History series* / David Potter. – Woodbridge: Boydell Press, 2008. – 454 p.
4. Glete, J. *War and the State in early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as fiscal-military states, 1500 – 1660* / J. Glete. – L.; Routledge, 2002. – 288 p.
5. Алексеев, В. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии / В. В. Алексеев, С. А. Нефедов, И. В. Побережников // *Уральский исторический вестник*. – 2000. – № 5 – 6.
6. Коротаяев, А. В. *Законы истории: вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны* / А. В. Коротаяев, Д. А. Халтурина, Ю. В. Божевольнов. – М.: URSS, 2010. – 256 с.
7. Parker, G. *Military Revolutions, Past and Present / Recent Themes in Military History*. Ed. Donald A. Yerxa / G. Parker. – University of South Carolina Press, 2008.

8. Платон; Аристотель; Эпикур. Мыслители Греции. От мифа к логике: Сочинения / Платон. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 832 с.
9. Макиавелли, Н. Государь. Искусство войны / Н. Макиавели. – М.: АСТ, 2010. – 448 с.
10. Клаузевиц, К. Фон. О войне / Фон К. Клаузевиц. – М.; СПб., 2002. – Т. 1. – 558 с.
11. Мэхэн, А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660 – 1783 / А. Т. Мэхэн. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica. – 2002. – 634 с.
12. Дельбрюк, Г. История военного искусства в рамках политической истории / Г. Дельбрюк. – СПб.: Наука, 2001. – Т. 1. – 414 с.
13. Коллинз, Р. Четыре социологических традиции / Р. Коллинз. – М.: Территория будущего, 2009. – 318 с.
14. Пенской, В. В. Развитие вооруженных сил России и военная революция в Западной Европе во 2-й половине XV – XVIII вв.: сравнительно-исторический анализ: дис. ... д-ра ист. наук / В. В. Пенской. – М., 2004. – 400 с.
15. Нефедов, С. А. Война и общество: факторный анализ исторического процесса / С. А. Нефедов. – М.: Территория будущего, 2008. – 752 с.
16. Roberts, M. The Military Revolution, 1560 – 1660 / M. Roberts // Roberts M. Essays in Swedish History. – L., 1967.
17. Parker, G. The «Military Revolution», 1560 – 1660 – a Myth? / G. Parker // The Journal of Modern History. – Vol. 48. – № 2 (June 1976).
18. Black, J. A Military revolution? Military Change in European Society, 1550 – 1800 / J. Black. – L.: Macmillan, 1991. – 340 p.
19. Downing, B. M. The Military Revolution and Political Change: origins of democracy and autocracy in early Modern Europe / B. M. Downing. – Princeton: Princeton University Press, 1992. – 308 p.
20. Poe, M. The Military Revolution, Administrative Development, and Cultural Change in Early Modern Russia / M. Poe // The Journal of Early Modern History. – Vol. 2. – № 3 Leiden. – 1998.
21. Мак-Нил, У. В погоне за мощью. Технология, вооружение и общество в XI – XX веках / У. Мак-Нил. – М.: Территория будущего, 2008. – 456 с.
22. Тилли, Ч. Принуждение, капитал и европейские государства 1990 – 1992 / Ч. Тилли. – М.: Территория будущего, 2009. – 464 с.
23. Андерсон, П. Родословная абсолютистского государства / П. Андерсон. – М.: Территория будущего, 2010. – 512 с.
24. Лахман, Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего нового времени / Р. Лахман. – М.: Территория будущего, 2010. – 456 с.
25. Kennedy, P. The Rise and Fall of The Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000 / P. Kennedy. – New York: Random House, 1987. – 677 p.
26. Цыганков, В. В. Военная революция и становление современной мир-экономики / В. В. Цыганков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Педагогика. – 2009. – Т. 10. – № 1.
27. Побережников, И. В. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / И. В. Побережников. – Екатеринбург. – 2011. – 23 с.
28. Ким, О. В. Военный фактор модернизации допетровской России в современной англоязычной историографии / О. В. Ким // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – Вып. 3(118).
29. Rueschmeyer, D. Partial modernization / D. Rueschmeyer // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J.C. Loubser et al. – New York, 1976. – Vol. 2.

Информация об авторе:

Ким Олег Витальевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков факультета истории и международных отношений КемГУ, zaecposad@gmail.com.

Oleg V. Kim – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Medieval History, Kemerovo State University.